

И. С. Тургенев

Собственная господская контора

(Отрывок из неизданного романа)

И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах

Сочинения в двенадцати томах

Издание второе, исправленное и дополненное

М., "Наука", 1980

Сочинения. Том пятый.

Повести и рассказы 1853--1857 годов. Рудин. Статьи и воспоминания 1855--1859

[OCR Бычков М. Н.](#)

...Комната, в которую вошла Глафира Ивановна и в которой она ежедневно проводила часа два и более, называлась "Собственной господской конторой" -- в отличие от "Главной вотчинной конторы", помещавшейся в отдельном флигеле, подле конного двора. В "Собственной господской конторе" постоянно заседал секретарь барыни, Левон Иванов, или, как его называла Глафира Ивановна, Léon (его в молодости выучили французскому языку, и он довольно свободно на нем изъяснялся); однако Глафира Ивановна в конторе с ним никогда иначе не говорила, как по-русски. Кроме Левона, каждое утро являлись в "Собственную контору" главный приказчик и бурмистр с докладами; часто призывался туда дворецкий, изредка сам управляющий Василий Васильевич -- и только. Все же дела по имению, все платежи, продажи и покупки производились в "Вотчинной конторе", которая оттого всегда была набита народом; с утра до вечера толклись в ней, стояли и сидели разные писцы, земские, приходящие и отходящие мужики, свои и соседние, старосты, десятские и т. п.

"Вотчинная контора" не могла похвастаться ни чистотою, ни благовонием. Случалось иногда, что свечи в ней горели голубым огнем, как бы в погребке или в бане. "Собственная контора", напротив, отличалась опрятностью: это была большая, светлая комната, с тремя окнами; у одного из них помещался секретарский стол, покрытый зеленым сукном. Вдоль стен тянулись шкафы из ясеневоего дерева; по самой середине, на особо устроенном возвышении, стояло ореховое бюро; за этим бюро, на широком и мягком кресле, садилась сама барыня; другое кресло, тоже довольно покойное, стояло несколько поодаль и пониже -- для Василия Васильевича. Прямо против господского бюро висел на стене портрет напудренного старика в лиловом французском кафтане с стразовыми пуговицами, известного в свое время хозяина, дяди Глафиры Ивановны, от которого она получила свое имя и которого она поставила себе в образец.

В "Собственной конторе" к приходу барыни собралось три человека. Один из них, секретарь Левон, или Léon, молодой, белокурый человек, с томными глазами и чахоточным цветом лица, стоял перед своим столом и перелистывал тетрадь; другой, главный приказчик, Кинтилиан, человек лет пятидесяти с лишком -- с седыми волосами и черными навислыми бровями, с лицом угрюмым и хитрым -- неподвижно глядел на пол, скрестив руки на груди. Третий, наконец, бурмистр Павел, красивый мужчина, с черной как смоль бородой, свежими щеками, большим белым лбом и веселыми блестящими глазами, развязно прислонился к двери. Хотя одежда на нем была не то крестьянская, не то купеческая, хотя он носил бороду -- он мужиком не был. Глафира Ивановна произвела его в бурмистры из дворовых; под его управлением состояло -- пока -- одно только село Введенское -- то самое село, в котором жила барыня, -- но влияние его росло не по дням, а по часам; милости сыпались на него непрестанно; он быстро шел в гору, к великой досаде Кинтилиана, который сам, не более двух лет тому назад, разными происками низвергнул своего предшественника, Никифора, и стал на его место.

Три эти человека -- до самого появления Глафиры Ивановны -- не разговаривали друг с другом; только Павел спросил у Левона, записал ли он садовые работы; Левон кивнул ему головой. Когда же наконец барыня вошла, они все трое выпрямились и низко ей поклонились; Кинтилиан и Павел заложили руки за спину -- Левон слегка оперся о стол. Глафира Ивановна, молча и не спеша, взошла на возвышение, отодвинула слегка кресла, села, оправилась и, приняв озабоченный вид, немного помолчала, наконец, обратившись к Левону, сделала повелительное движение рукою и промолвила: "Начинай!"